

УДК 159.922

Ч. С. Кирвель

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

МЕТАМОРФОЗЫ И ПАРАДОКСЫ РАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

В статье показывается, что рационалистическая система ценностей, со становлением и развитием которой связаны величайшие достижения западноевропейской цивилизации, к началу XXI в. оказалась исчерпанной. Констатируется, что рационалистический подход к действительности содержит в себе наряду с созидательным разрушительное, деструктивное начало. Отсюда – потребность не только по-новому взглянуть на природу рационального сознания и механизмы его воспроизводства, но и осмыслить пути формирования новой духовности (новой рациональности в том числе), которая может послужить отправной точкой в социокультурном развитии человечества в XXI в. В работе обосновывается мысль, что в утверждении нового подхода к окружающему миру призвана сыграть существенную роль формирующаяся в последнее время постклассическая рациональность, которую можно определить как гуманистическую рациональность. Делается вывод, что в наше время лишь синтез «философии разума» и «философии сердца» может дать достойное человека отображение мира в его сознании, стать надежной основой его поведения.

Ключевые слова: рациональность, рациональное сознание, рациональная эффективность, гуманистическая рациональность, иррациональность, инструментальный разум.

Ch. S. Kirvel'

Yanka Kupala State University of Grodno

**METAMORPHOSES AND PARADOXES
OF RATIONAL CONSCIOUSNESS**

The article states that the rationalistic system of values, the emerging and the development of which is associated with the greatest achievements of the Western European civilization, had been exhausted by the beginning of the 21st century. It is ascertained that the rationalistic approach to reality combines along with constructive also destructive bases. Hence there is a need not only for a new approach to the essence of rational consciousness and mechanisms of its reproduction but also for consideration the ways of forming of new spirituality (including new rationality) which may be the starting point for sociocultural development of mankind in the 21st century. The article grounds the idea that postclassical rationality that has been formed most recently will play an important role in strengthening of a new approach to the world. This postclassical rationality may be defined as humanistic rationality. The author draws a conclusion that only the synthesis of “philosophy of mind” and “philosophy of heart” may provide adequate reflection of the world in man’s consciousness, become secure basis of his behavior.

Key words: rationality, rational consciousness, rational effectiveness, humanistic rationality, irrationality, instrumental reasoning.

Введение. Проблема рационального сознания, рациональности и ее границ в последнее время стала ведущей темой философского анализа. Сегодня в разных областях философского знания, начиная с теории познания и кончая этикой и социальной философией, теоретический поиск и исследовательский интерес так или иначе выходят именно на данную проблему. Это обусловлено как существенными сдвигами, происшедшими в нашей цивилизации, так и потребностью преодоления целого ряда кризисных явлений в развитии теоретического мышления. В сущности, актуальность проблемы рациональности вызвана возрастающим беспокойством о судьбе техногенной цивилизации. Кризисы, порожденные ею, и прежде всего экологический, – вот что в конечном

счете стоит за сегодняшним столь широким интересом к проблеме рационального сознания.

Основная часть. Одной из центральных для «проекта Просвещения» явилась мысль о том, что свобода человека, его эмансипация от гнета внешних (природных и социальных) сил и обстоятельств может быть достигнута только на путях переустройства мира на основе рационального знания. Согласно такому подходу, освободить человека, снять его зависимость от всяких внешних сил и, соответственно, превратить его в господина не только собственной индивидуальной судьбы, но и исторической судьбы всего человечества можно только путем полного освоения окружающей среды, включающей в себя и природу, и общество, и даже тело самого человека. При таком подходе

овладение окружающей средой, контроль и господство над внешними обстоятельствами выступает как «рационализация», которая в предельном своем выражении может быть понята как преодоление стихийно-спонтанного характера развития природы, общества, человека [1, с. 7].

Индустриальный путь развития, по которому пошла Западная Европа, изначально делает ставку на науку и, тем самым, как будто возвышает науку над всеми другими формами культуры. Однако это ведет к изменению функций разума в целом, а точнее сказать, это сводит человеческий разум лишь к одной функции – к функции решения технико-экономических задач с целью достижения пользы, эффективности, прибыли. В результате целостность разума, единство его постигающей (выработка общего представления о мире и месте в нем человека) и преобразующей (решение утилитарно-практических задач) ипостасей было нарушено, деформировано. Проблемы целостного познания истины под напором технико-инструментальных задач отступили на задний план и перестали быть востребованными.

И чем дальше шла Европа по пути индустриального развития, тем сильнее гипертрофировалась инструментальная сторона разума, тем больше подавлялась его познавательная и критическая сторона. В ходе этого процесса разум становится все более конформистским (вспомним высказывание Г. Маркузе: «Всякий разум по природе своей буржуазен»). Иначе говоря, разум, сведенный исключительно к рациональности, точнее сказать, целерациональности, становится неспособным к решению проблем, связанных с постижением смысла, обоснованием целей, теряет свою критическую напряженность, перестает быть способным отделять должное от сущего, выходит за пределы данности в мир умопостижимый. Он весь привязан к процессу достижений выгоды и пользы (понимаемых прежде всего как прибыль) и, соответственно, перестает быть путем к истине. И, наконец, когда процессы повсеместной рационализации захватывают все сферы жизнедеятельности людей, включая стандарты поведения индивида, в том числе и манипулирование его сознанием, разум и впрямь полностью теряет свое обаяние и прелесть, превращается лишь в орудие силового воздействия на окружающую среду, в инструмент подавления человеческой свободы.

Тот факт, что в реальной истории инструментальная форма разума развивалась исключительно за счет критически-рефлексивной его стороны, дал основания, например, С. А. Левицкому говорить о «безумной рациональности»,

а Ч. Миллеру о «рациональности без разума» [2, с. 322].

Рациональное сознание ориентируется на моделирование реальности в системе понятийных конструкций, надстраивающихся над обыденными представлениями о мире, создает особое царство Разума, очищенное от эмпирической случайности, – мир идеальных сущностей. Последний, как в этом убеждают нас факты, имеет устойчивую тенденцию отчуждаться от мира реально живущих и действующих людей, от живой действительности, замыкаться в себе самом, превращаться в нечто самодовлеющее. Следствие этого – оценка противостоящего мира не в его собственных терминах, а в терминах, которые могли бы этот мир привести в соответствие с миром идеальных конструкций, позволили бы его преобразовать. Определяя свои понятия в терминах потенциальных возможностей, которые принадлежат иному строю мышления и существования, являются отвлеченными от реальных объектов окружающего мира, рационализм достигает некой «абстрактной чистоты», которая таит в себе интенцию индифферентного, абстрагированного отношения к противоречивым и бесконечно уникальным проявлениям окружающего человека мира. Причем наибольшая опасность возникает тогда, когда принципы рациональности начинают упрощенно переноситься в сферу общественной жизни, человеческих отношений, в жизненный мир человека, туда, где каждая личность сложна и неповторима. Поскольку богатство индивидуальной жизни всякий раз оказывается непостижимо для рационализма, постольку он вольно или невольно вынужден отвлекаться от этой человеческой бесконечности, рассматривая ее усредненно.

Основной задачей рационального сознания является констатация объективной истины независимо от того, нравится ли это человеку или нет, поможет ли она ему в достижении смысловых целей или же, напротив, ее знание отвлекает или даже препятствует их реализации. Мир рациональных истин в таком случае оказывается оторванным от мира ценностей, идей и переживаний, по-настоящему значимых для человека, делающих его жизнь осмысленной и одухотворенной. Иначе говоря, рациональное знание создает образ действительности, обособленный от переживаний человека, чуждый его интимному «я», его интенциям и устремлениям. Прав был русский мыслитель П. А. Флоренский, определивший науку возрожденческой рационалистической цивилизации как псевдогуманную. С его точки зрения наука, провозглашенная этой цивилизацией альфой и омегой всей жизни, утратила тот

основной масштаб, которым определяется сам человек [3, с. 123]. Средневековая схоластика, утверждавшая достижимость согласия между умом и сердцем, знанием и верой, еще не знала этой трагической коллизии между констатацией истины и утверждением ценности. Данная коллизия – продукт Нового и Новейшего времен.

Что касается нравственных оснований жизни в технологическом обществе, то здесь встает проблема колоссальной важности. Дело в том, что категория морали применима лишь к действиям, направленным на живое, а человек в индустриальном (неоиндустриальном) обществе имеет дело по преимуществу с неживым. Отсюда – сужение сферы действия моральных норм и императивов. Моральные оценки, не опирающиеся на основные постулаты технократической модели развития общества, воспринимаются как «субъективные», «эмоциональные», как малонадежные критерии при оценке нашего поведения и, соответственно, легко уступают место аргументам, обращенным к идее «эффективности» и «целесообразности», «выгоды» и «пользы».

Развитие рациональности, ее противоречивые социальные последствия нельзя до конца осмыслить и понять вне анализа тесной ее связи с развитием денежной предпринимательской экономики и ее особенностью. На деле именно денежное обращение позволяет достичь наиболее полной и последовательной рационализации всех сторон социальной жизни, подчинить ее единой логике. Развертывание денежного обращения постепенно ведет к удвоению мира: логика денежной стоимости начинает все больше удаляться и не зависеть от реальной логики вещей и отношений. Индивиды в рыночном обществе оказываются во власти универсума стоимостей, выраженного в деньгах, и по необходимости выстраивают рациональную картину мира, находящуюся за пределами реальной действительности. Формируется своего рода денежный фетишизм, когда социальные отношения и даже, как показал К. Маркс, реальные хозяйственные и потребительские взаимоотношения людей предстают как отношение вещей и движение денежных потоков.

Деньги как носители универсальной и абсолютной ценности вытесняют и обесценивают реальный мир с его разнообразными свойствами и качествами. «Так происходит реальное “расколдовывание мира” (М. Вебер), когда любая цель и любой мотив лишается своего собственного обаяния, и за любым действием, любым объектом и событием видится лишь их формальное, количественное выражение. “Расколдовывание мира”, деньги не только заменяют страсти и эмоции расчетом, но и лишают смысла

все то, что не поддается расчету и формальному выражению: любовь, честь, нравственность, красоту и т. д.» [4, с. 40].

Многие исследователи отмечали, что система денежных отношений выступила одной из главных отправных точек рационализации реальности. М. Вебер в своих исследованиях рационализации проводил параллель между развитием экспериментальной науки и денежных расчетов. Г. Зиммель обратил внимание на то обстоятельство, что в Новое время развитие товарно-денежных отношений и монетарной экономики шло параллельно становлению западноевропейского естествознания. При этом он подчеркивал, что калькуляция стала моделью объективного и точного знания. С. Московичи отмечал, что формальная рационализация, связанная с деньгами, предполагает перенесение на все типы отношений к окружающей действительности тех процедур, которые применимы к денежному обращению, прежде всего, калькуляции. Ю. Хабермас рассматривает деньги как силу, с помощью которой происходит «колонизация» жизненного мира, как одно из основных средств вытеснения инструментальной технической рациональностью реальных социальных и культурных форм взаимодействий людей.

Следует, однако, отметить, что формальная рационализация на основе денежного обращения практически никогда не изживает все формы иррациональной деятельности в масштабах общества в целом [4, с. 41]. При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что важнейшим свойством рационализации выступает ее способность переходить в свою противоположность, в иррациональность. В самом деле, людям в условиях рыночного общества как раньше, так и повсеместно присуще стремление добывать деньги любыми способами, включая не просто иррациональные, но и совершенно безнравственные и преступные. Люди в условиях, когда деньги выступают мерилем всего и вся, сплошь и рядом склонны поступить вопреки «голосу разума» и собственным рациональным установкам, впадать в эмоциональную увлеченность, эйфорию и авантюризм. В этих случаях финансовым поведением людей управляет не столько рациональный расчет, сколько страсть, интуиция, предрассудки, панические настроения, иррациональные страхи и преступные намерения.

Для более полного уяснения специфики и характера влияния денег на развитие рациональности в западноевропейских обществах необходимо хотя бы в краткой и схематической форме обратиться к рассмотрению той роли, которую сыграла в этом процессе религиозная

реформация, формирование протестантизма как особого направления в развитии религиозного сознания. В этом аспекте важно отметить то, что догматика выдающегося идеолога религиозной реформации М. Лютера, будучи направленной своим острием на отрицание всяких таинств, на деле вела к умалению духовной составляющей человеческого бытия и возвышению роли материальных факторов в жизни общества. Такого рода интенция таила в себе возможность трактовать понятие «успех» как достижение вещественных, практических результатов, которые поддаются точному измерению и калькуляции. Естественно, что мерилом успеха не могла не стать такая легко измеряемая вещь, как деньги, которые постепенно из средства стали превращаться в главную цель, обретая при этом форму святости и культовое значение.

Таким образом, протестантизм вольно или невольно способствовал становлению первой стадии обездуховленности человека – плутократии (власть золота: Плутон – бог подземных золотых запасов), власти денег. Период утверждения этой новой формы власти стал известен как развитие буржуазного уклада жизни в западноевропейских странах. В эту эпоху уходит в прошлое ситуация, когда хозяйство велось не столько ради получения денег, сколько деньги были нужны для ведения хозяйства, когда деньги должны были потребляться, а не накапливаться. Теперь деньги перестают рассматриваться как низшая и неблагоприятная в сравнении с земледелием форма собственности, квалифицироваться не просто как средство обмена, циклического обращения. Они теперь становятся богоугодным средством роста, накопления и обогащения. Они должны умножаться в процессе обращения во времени, которое в этот период начинает возводиться в ранг важнейшего достояния человека и общества. Причем, что интересно, если раньше ростовщичество подвергалось резкому моральному осуждению, рассматривалось как кража у Бога, наиболее страшная и постыдная из всех возможных краж, поскольку ростовщик, взимавший ссудный процент, занимался «торговлей временем», т. е. продавал то, что им не создано и ему не принадлежит, то, что является исключительно собственностью Бога, то теперь максима «время – деньги» становится одной из основ буржуазной культуры, а банковское дело и ростовщичество начинает рассматриваться не только как необходимая и наиважнейшая форма деятельности, но и как знак богоизбранности тех людей, которые осуществляют данную деятельность. Так, в этой новой, утвердившейся в западноевропейском обществе модернистской

парадигме время обрело такие характеристики, как инструментальная утилитарная ценность, имеющая денежное выражение [5, с. 53–54]. И этот процесс уже не смогли остановить ни протесты бедняков, ни возмущения интеллектуалов, озабоченных падением нравственности. Далее эволюция, как это не покажется странным, пошла по пути освобождения капитала от всяких вещественных носителей. Золото, серебро, драгоценности и т. п. были заменены печатными ассигнациями. Затем уже сравнительно недавно перешли на более отвлеченную валюту – банковские счета, ключом к которым являются кредитные карточки. Как печатные деньги, так и кредитные карточки можно потерять, украсть, подделать и т. п. Поэтому, похоже, сейчас будут предприняты новые попытки дальнейшей дематериализации денежных отношений: банковский код станут наносить с помощью лазера или каким-либо другим способом на руку или какую-нибудь другую часть человеческого тела. В случае реализации данной идеи в массовом масштабе положение каждого человека в обществе будет определяться присваиваемой ему цифрой. Вследствие этого плутократия сменится цифрократией – властью отвлеченного числа.

В таком повороте событий невольно ощущается нечто зловеще-неотвратимое, пугающее. Ведь отвлеченной цифрой можно измерить только самые поверхностные стороны человеческого бытия, а все высокосложное, уникально-неповторимое, духовное и душевное такому измерению не поддается. Неужели и в самом деле мы стоим на пороге предсказанного в Откровении Иоанна Богослова: «...всем, малым и великим, богатым и бедным, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и ...никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание...» (Откр. 13: 16–17).

Впрочем, во всем этом просматривается своя логика. Утверждение власти цифры, цифрократия, непрекращающиеся попытки подчинить все в этом мире калькуляции и холодному расчету выступают прямым следствием действия закона самовозрастания капитала, охватившего все стороны жизнедеятельности западноевропейских обществ, предпринимательской экономики, основанной на принципе получения максимальной прибыли, идеологии экономизма, ставшей ядром мировоззрения современного западноевропейского человека. По большому счету, главной причиной современного глобального цивилизационного кризиса, в том числе и финансово-экономического кризиса, затронувшего почти всю нашу планету, является кризис той метафизики, которая определяет современную рационалистическую картину мира, выработанную

западноевропейской цивилизацией еще в XVII–XVIII вв. и навязанную всему остальному миру в большей или меньшей степени. Сформировавшееся в то время рационалистическое отношение к миру продолжает с нарастающей силой рассматриваться как базовое в человеческой жизнедеятельности.

Печально, конечно, что великое множество идей и проектов, новаторских систем, призванных перестроить мир на началах добра, красоты и справедливости, выдвинутых за двадцать веков выдающимися пророками и мыслителями, разбились о реалии нашего времени, ставшего эпохой господства спекулятивного финансово-олигархического капитализма.

Сегодня задача, стоящая перед человечеством, заключается в том, чтобы утвердить в жизнедеятельности общества (постнеклассическую) рациональность, которую можно определить как *гуманистическую рациональность*.

Гуманистическая рациональность исключает какие бы то ни было попытки раз и навсегда все предусмотреть и разумно устроить. Ей присуще осознание того, что главенствующая роль в окружающем нас мире принадлежит не стабильности и равновесию, а скорее, наоборот, – неустойчивости и неравновесности, исходит из принципа многовариантности процесса развития, основывается на стохастическом мировоззрении. Постигание действительности понимается ею как бесконечно «ветвящийся», дивергентный процесс, характеризующийся необратимостью и непредсказуемостью отдаленных последствий всякого человеческого выбора и поступка. Оптимальной в данном контексте может стать лишь та стратегия, которая предполагает осознание личной ответственности человека за совершенный им выбор, включает в себя рефлексию над содержанием и мерой ответственности. В этом случае рациональность (как и разум в целом) становится средством осознания изначальной ответственности человека за свои поступки, рациональность и ответственность как бы меняются местами: ответственность становится первичной по отношению к рациональности [6, с. 11]. В своей действительности это означает попытку установить пределы вмешательства человека в естественную динамику природы, общества, культуры, поставить наряду с вопросами «как?» и «почему?» телеологический вопрос «зачем?».

Отсюда – отход новой рациональности от «ценностно-нейтрального» исследования, от трактовки объективности, основанной на отделении ценности от истины, знания о субъекте от знания об объекте, и, вместе с тем, включение ее в сферу своего интереса эко-этно-социо-антропо-исторической проблематики.

В контексте рассмотрения вопроса о формировании нового типа рациональности большой интерес представляет наследие русской философской мысли.

Русская философская мысль, прежде всего мысль религиозно-идеалистического толка, в конце XIX в. буквально уперлась в сложный и весьма принципиальный вопрос: «не оказалась ли современная им философия свидетельницей и соучастницей подмены разума мертвящей расчетливостью, мудрости – бездушным прагматизмом?». Для русских философов неприятие традиционного классического рационализма было если не всеобщей, то весьма ярко выраженной чертой. Многие русские философы квалифицировали рационализм как ущербную форму философствования, как «умную хитрость», в отличие от подлинной философской мудрости. Так, Н. Бердяев считал, что «малый разум» (*ratio*) встал над «большим разумом», расчленил живую целостность бытия, остудив его теплоту. Подорвав доверие к живому опыту, надев на него «рационалистический намордник» и навязав бытию жестко его детерминирующие категории и нормативы, «малый разум» тем самым явил собой откровенную попытку искусственно конструирования реальной действительности из логических категорий, возложив на себя при этом исключительно полицейские функции.

Характерное для рационализма возвышение интеллекта и полное пренебрежение духовными качествами, интерпретация истины как не нравственной ценности, ориентация исключительно на выгоду и расчет давали основания русским религиозным философам упрекать рационализм в абсолютной нефилософичности, видеть в нем болезнь знания. Не принижая в целом значимости разума, русские философы, тем не менее, интерпретировали как ложные те концепции знания, в которых субъект тщетно пытается проникнуть в нерациональный объект с помощью рациональных средств. Отсюда – их обостренный интерес к «сверхрациональному» в постижении бытия, к интуиции и мистическому озарению. В принципе, если отвлечься от всяких методологических и логических просчетов, а также от полемической заостренности, идея «сверхрациональности» содержит в себе стремления к восстановлению духовного статуса разума, понимание того, что только одухотворенный разум, а не уверенный в своей самодостаточности инструментальный ум есть действительно высшая человеческая ценность. По сути дела, русские философы впервые в мировой общественной мысли содержательно и комплексно поставили вопрос о сбалансированности в жизни людей духовно-рационалистических начал, обозначили проблему

глубинного синтеза чувств и разума, разума знающего и умеющего и разума осмысляющего и самого себя ограничивающего.

Заключение. Некоторые противники критики рационализма утверждают, что, напротив, все наши беды от недостатка рационализма. Действительно, если иметь в виду некий идеальный, доведенный до совершенства рационализм, который в состоянии охватить бытие мира и человека в целом и во всех частностях, предвидеть все, включая даже самые отдаленные последствия своего вмешательства в окружающую природную и социальную среду, который может все уладить и разумно устроить на этой земле, то они правы. Но такого рационализма история, к сожалению, не знала. А та рациональность, которая нам известна, далека от совершенства, таит в себе многие угрозы и опасности. Хотя человек посредством ее может оказывать определенное, даже очень сильное целевое воздействие

действие на мир, но в целом окружающая действительность остается для него пока непредсказуемой и неподконтрольной.

Трагедия истории заключается в том, что нарастающая сила целенаправленного воздействия на природную, общественно-политическую и социокультурную жизнь народов сплошь и рядом принимает деструктивный характер, грозит разрушением фундаментальных основ человеческого бытия. Факты свидетельствуют, что там, где господствовал в отношениях между людьми «теоретический разум» (И. Кант), «инструментальный разум» (Ю. Хабермас), человек всегда превращается в средство, инструмент достижения тех или иных целей, что все крупномасштабные попытки «разумного», «рационального» преобразования мира заканчивались трагически: достигнутые результаты всегда были противоположны первоначальным целям.

Литература

1. Лекторский В. А. Христианские ценности, либерализм, тоталитаризм, постмодернизм // Вопросы философии. 2001. № 4. С. 7.
2. Черткова Е. Л. Свобода и рациональность // Рациональность на перепутье: в 2 кн. Кн. 1. М.: Российская политическая академия, 1999. 322 с.
3. Богословские труды. М., 1997. Вып. 17. С. 123.
4. Зарубина Н. Н. Трансформации рациональности в глобализирующемся мире: влияние денег // Социс. 2009. № 4. С. 40–41.
5. Зарубина Н. Н. Влияние денег на социальное конструирование времени (динамика нелинейности) // Социс. 2007. № 10. С. 53–54.
6. Тульчинский Г. Л. Рациональность, эффективность, ответственность // Рациональность и проблема познания: материалы науч. конф. СПб., 1995. С. 11.

References

1. Lektorskiy V. A. Christian values, liberalism, totalitarianism, postmodern. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2001, no. 4, p. 7 (In Russian).
2. Chertkova E. L. Freedom and rationality *Ratsional'nost' na pereput'ye: v 2 knigakh. Kniga 1* [Rationality at the crossroads: in 2 books. Book 1]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya akademiya Publ., 1999. 322 p.
3. *Bogoslovskiye trudy* [Theological works]. Moscow, 1997, issue 17, p. 123 (In Russian).
4. Zarubina N. N. Transformation of rationality in globalized world: influence of capital. *Sotsis* [Socis], 2009, no. 4, pp. 40–41 (In Russian).
5. Zarubina N. N. Influence of money on social construction of time (dynamics of nonlinearity). *Sotsis* [Socis], 2007, no. 10, pp. 53–54 (In Russian).
6. Tul'chinskiy G. L. [Rationality, effectiveness, responsibility]. *Materialy nauchnoy konferentsii (Ratsional'nost' i problema poznaniya)* [Rationality and the problem of cognition: materials of scientific conference]. St. Petersburg, 1995, p. 11 (In Russian).

Информация об авторе

Кирвель Чеслав Станиславович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии. Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (230023, г. Гродно, ул. Ожешко, 22, Республика Беларусь). E-mail: kaf_filosof@grsu.by

Information about the author

Kirvel' Cheslav Stanislavovich – DSc (Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy. Yanka Kupala State University of Grodno (22, Ozheshko str., 230023, Grodno, Republic of Belarus). E-mail: kaf_filosof@grsu.by

Поступила 27.02.2017